

Цзюнь Чи отыскал неприметный постоялый двор под названием «Пристанище Перелетного Ветра». Выглядело заведение сносно, а за комнату просили всего десять низкоуровневых линши в сутки. Решив сэкономить, он снял две соседние каморки — для себя и Лэ Ли.

На самом деле обоим требовалось лишь место для медитаций, так что изыски были ни к чему. Впрочем, истинная причина крылась в природной бережливости Цзюнь Чи.

Еще на пороге они поняли, что за ними следят, но виду не подали.

Цзюнь Чи не спешил к себе. Первым делом он зашел к Лэ Ли, который предусмотрительно наложил на комнату запретное заклинание, отсекая любые попытки подслушать или заглянуть внутрь.

— Видимо, когда мы выходили из ресторана «Сюаньцзунь», кто-то принял нас за богачей, — вполголоса произнес Цзюнь Чи. — А завидев, что мы устроились в такой дыре, решили, что нас легко ограбить.

— Среди тех, кто плетется за нами, есть и тот человек, что хотел купить Лэ Баня, — отозвался Лэ Ли.

Услышав свое имя, змей тут же высунулся из рукава хозяина и задрал голову, преданно глядя на него в ожидании поручений. Но Лэ Ли даже не посмотрел на него.

— Видимо, я был недостаточно внимателен, — признал Цзюнь Чи. — Что ж, придется от них избавиться.

— Если так, я просто выйду и съем их всех, — предложил Лэ Ли с пугающим спокойствием.

Цзюнь Чи на мгновение лишился дара речи.

— Ты... собираешься есть практиков живьем?

— А разве нельзя? — искренне удивился тот.

Цзюнь Чи в очередной раз осознал, какая пропасть лежит между демонами и людьми. Среди заклинателей-людей, если только они не ступили на путь Тьмы, каннибализм считался дикостью. Но для демонов всё было иначе. Впрочем, он и сам ведь теперь не совсем человек.

— В городе Юэлин действуют суровые законы, — начал объяснять Цзюнь Чи. — Схватки внутри стен запрещены. К тому же, если ты начнешь пожирать людей, начнется паника. Тебя примут за демонического практика, а это лишние хлопоты. Если раскроют, что ты — демон-оборотень, какой-нибудь могущественный мастер может силой сделать тебя своим питомцем. Овчинка

выделки не стоит. Давай лучше я сам с ними разберусь.

Лэ Ли прикинул уровень сил преследователей и коротко кивнул:

— Хорошо, полагаюсь на тебя.

Цзюнь Чи поманил змея:

— Лэ Бан, пойдём пройдемся, поищем чего-нибудь вкусенького. Идешь?

Змей радостно качнул головой, бросил быстрый взгляд на брата и юркнул за пазуху к Цзюнь Чи, обвившись вокруг его руки. Погладив гладкую чешую, Цзюнь Чи попрощался с Лэ Ли и вышел на улицу.

Он не обманул малыша — они действительно отправились попробовать местную уличную еду.

Ночь уже вступила в свои права, но город сиял огнями не хуже, чем днем. Улицы кипели жизнью: заклинатели неспешно прогуливались между лавками ночного рынка.

Цзюнь Чи присмотрелся к небольшому лотку, где торговали вонтонами, и уселся за грубо сколоченный стол. Едва он успел проглотить первую ложку, как Лэ Бан одним махом прикончил обе порции. Опустошив миски, змей принялся с надеждой заглядывать в тарелки соседей.

— Ну и утроба у тебя, — вздохнул Цзюнь Чи. — Настоящая бездонная яма. Мне тебя никогда не прокормить.

Лэ Бан, всё прекрасно понимая, обиженно заерзал и коснулся щеки Цзюнь Чи раздвоенным языком, словно заискивая.

За соседними столиками сидели другие практики. В основном — уровня Заложения Основ или ниже. Те, кто поднялся выше, обычно презирали уличную еду, предпочитая строгий пост и изнурительные тренировки. Окружающие не обращали на змея внимания — в мире заклинателей ручные рептилии не были редкостью, а разглядеть в Лэ Бане благородную кровь никто из присутствующих не мог.

Цзюнь Чи чувствовал: тени всё еще следуют за ним. Покинув лоточника, он не спеша побрел к густо заросшему лесом холму, напоминающему городской парк. Там преследователи наконец отбросили осторожность и окружили его.

Среди них действительно оказался тот самый щеголь в расшитых одеждах. Уставившись на Лэ Баня, обвинившего шею Цзюнь Чи, он смотрел на змея с таким вожделением, будто перед ним

была прекраснейшая дева.

— Мне приглянулась твоя змея, — без обиняков заявил господин. — Если не продашь хорошему, нас здесь много — не взыщи. Заберем силой. согласишься — получишь гору линши. Упрешься — останешься ни с чем, да еще и шкуру попортим.

Цзюнь Чи лишь усмехнулся, а вот Лэ Бан пришел в ярость. Будь он способен говорить, он бы наверняка разразился площадной бранью. Змей угрожающе зашипел, внезапно увеличился в размерах и, сорвавшись с плеча Цзюнь Чи, выплюнул в лицо обидчику каскад огненных шаров. Следом свистнул хвост — удар был такой силы, что стоявшее рядом дерево рухнуло, едва не придавив наглого господина.

Тот, впрочем, ничуть не испугался. Напротив, он пришел в полный восторг. Уворачиваясь, он восторженно запричитал:

— Ух, какой бойкий малый! Иди ко мне, я о тебе позабочусь, не обижу!

«Заботься о себе, олух, — мысленно огрызнулся Лэ Бан. — Ступай к мамочке, молочка попей, а ко мне не лезь!»

Змей атаковал без устали, но из-за слабого уровня культивации не мог причинить щеголю вреда. Тот лишь развлекался, словно заправский гуляка, донимающий порядочную девицу.

— О, какие огненные шары! А ну-ка, еще разок! — подначивал он, заливаясь смехом. — Какая чешуя, какой блеск! Просто загляденье!

— Медленно машешь хвостом, так меня не достать!

Цзюнь Чи безучастно наблюдал за этим со стороны. Сопровождавшие щеголя практики тоже не вмешивались, лишь с выражением немого страдания на лицах взирали на своего господина. Их взгляды так и говорили: «Хозяин, наиграйтесь уже, и пойдём домой».

Внезапно Цзюнь Чи окликнул змея:

— Лэ Бан, ты еще не наигрался?

Змей издал громкий свист, который означал: «Какое там "наигрался"! Не мешай!»

— Тебя зовут Лэ Бан? — расхохотался щеголь. — Имя куда не годится, совсем не грозное. Вот станешь моим питомцем, я назову тебя Лэн Усе — «Холодный и Непорочный». Как тебе?

В ответ Лэ Бан выплюнул огромный сгусток пламени. В этот раз заклинатель не успел уклониться, и огонь лизнул подол его одежд. Впрочем, на ткани тут же вспыхнули руны защитного массива, и пламя бессильно рассеялось.

— Не нравится? — не унимался тот. — Тогда будешь Хэй Батянь — «Черный Властелин Небес». Ну, каково?

От такого нелепого имени Лэ Бан даже замер на мгновение, перестав атаковать.

— Вижу, тебе по душе! — обрадовался господин.

Цзюнь Чи мысленно посетовал на полное отсутствие вкуса у этого человека и строго произнес:

— Попробуй только сменить имя — брат тебя больше знать не захочет.

Услышав это, Лэ Бан яростно зашипел и с новой силой обрушил хвост на противника.

В этот момент щеголь подал знак своим людям. Пришло время кончать с хозяином змея.

Цзюнь Чи, чье духовное чутье полностью накрыло округу, заметил этот жест мгновенно. Едва подручные бросились в атаку, он ударил первым.

Все нападавшие были лишь на стадии Формирования Источника. Когда Цзюнь Чи одним мощным импульсом отправил их в глубокий обморок, у него возникло неловкое чувство, будто он избивает детей. «С такой слабой силой только и остается, что разбойничать», — подумал он.

Щеголь уже тянул руки к Лэ Баню, но перед глазами мелькнула тень, и мир для него погрузился во тьму.

Змей, увидев поверженного врага, хотел было подпалить ему физиономию, но защитные артефакты на теле щеголя были слишком качественными. Цзюнь Чи подхватил разбушевавшегося Лэ Баня под брюхо. Тот еще пытался вырваться, желая довершить расправу, но Цзюнь Чи охладил его пыл:

— Если не поторопимся, твой брат уйдет без нас.

Услышав о брате, Лэ Бан мгновенно притих и привычно обвился вокруг руки Цзюнь Чи. Пара быстро покинула место стычки.

Им пришлось сменить гостиницу. В этот раз они сняли один большой номер на двоих. Усевшись друг напротив друга, Лэ Ли начал обучать Цзюнь Чи искусству контроля над его внутренней

пилюлей.

Бессмертная секта Даньцянь. Пик Рицзин

В глубине заднего зала Великого дворца Цяньюань царила строгая простота. Здесь не было ни мебели, ни украшений — лишь невысокое ложе. Однако воздух в зале был настолько перенасыщен духовной энергией, что она почти переходила в жидкое состояние.

Удивительно, но здесь не было ни собирающих массивов, ни артефактов, удерживающих силу. По всем законам энергия должна была рассеяться, но она клубилась густым туманом, не желая покидать это место.

На ложе, скрестив ноги, восседал мужчина в длинном пурпурном одеянии. Его волосы, не стянутые лентой, темным водопадом стекали на циновку. Он был неподвижен, а окутывающее его сияние мешало разглядеть черты лица.

Это был легендарный Бессмертный владыка Нин Фэн. Обладая телом Нерожденного Бессмертного, он естественным образом притягивал к себе духовную энергию. Ци собиралась вокруг него, словно в центре мощного земного источника, создавая это невероятное зрелище.

Спустя мгновение он медленно открыл глаза. Энергия в зале пришла в движение, закрутилась воронкой и хлынула в его тело. Когда туман рассеялся, открылось лицо ослепительной, почти пугающей красоты. Лишь льдисто-золотые глаза выдавали в нем существо, далекое от человеческих страстей.

Истинный владыка Чан Е, единственный ученик Нин Фэна, несмотря на высокую культивацию, всегда был обременен делами. Управление пиком Рицзин лежало на его плечах, и, хотя помощников хватало, покоя он не знал.

Едва Нин Фэн вышел из медитации, Чан Е уже стоял у порога.

— Учитель, вы завершили уединение! — произнес он, почтительно склонившись.

— Произошло ли что-то важное? — голос Нин Фэна прозвучал прямо в сознании ученика.

Несмотря на свой статус, владыка был человеком дела. Он не парил в облаках без нужды — иначе в свое время не стал бы спасать два рушащихся мира, едва не развеяв при этом собственную душу. Выходя из затвора, он всегда первым делом спрашивал о положении дел в мире.

Двери бесшумно распахнулись. Чан Е вошел, совершил полный поклон и ответил:

— Если говорить о великом, то близится десятилетний съезд по набору новых учеников. В остальном же мир пребывает в покое.

Нин Фэн провел в медитации полгода, сплавляя воедино обретенные части души и тела, а также очищая меч Вансян Гуйи от скопившейся в нем темной энергии. За это время меч окончательно пробудился.

Полгода для заклинателя — лишь миг. Серьезные потрясения случаются редко, а о мелочах владыку не беспокоили.

В этот момент рядом с Нин Фэном сооткался призрачный силуэт — дух меча Хао Цан. Он сел в ту же позу, что и хозяин, и, сверкнув глазами на Чан Е, насмешливо бросил:

— Так это и есть твой старший ученик? Что-то он не впечатляет.

Чан Е мысленно вздохнул. Быть осмеянным личным мечом учителя — сомнительная честь. Впрочем, обиды он не показал и вежливо поклонился духу:

— Приветствую старшего Хао Цана.

Нин Фэн не обратил внимания на язвительность меча. Он посмотрел на ученика и негромко произнес:

— Грядущий набор учеников... Чувствую, он принесет мне встречу, предначертанную судьбой.

Чан Е знал: его учитель придает огромное значение таким вещам, как «узы судьбы». Его самого когда-то подобрали именно по этой причине. И хотя порой Чан Е казалось, что его взяли лишь для того, чтобы разгребать кучи бумаг и следить за порядком, он был бесконечно благодарен судьбе. Стать единственным учеником человека, чье имя поминают с трепетом во всем мире Яньу, было даром, за который он готов был платить любой преданностью.

<http://bllate.org/book/17440/1662563>